

АЛЕКСАНДР ШИПКОВ

Территория Церкви

Информационная атака

на Русскую Православную Церковь
Московского Патриархата

в 2011–2012 годах

ИНДРИК

сетевых СМИ началась информа
против православия. К концу 201
начала отчасти затухать, отчасти
характер. Что же произошло ка

православн
Церковь об
независим
государств
долгожда

свободу, п
триста де
невероят

Александр Владимирович Щипков

Территория Церкви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12211009
Территория Церкви: Индрик; Москва; 2012
ISBN 978-5-91674-220-6

Аннотация

В 1991 году Русская Православная Церковь обрела независимость от государства и долгожданную свободу, потерянную триста лет тому назад. Невероятно много было сделано для возрождения ритма церковной жизни. В начале 2011 года в ведущих печатных и сетевых СМИ началась информационная кампания против православия. Кульминацией этой кампании стала акция группы «Пусси Райт» в Храме Христа Спасителя, которую Александр Щипков назвал «холодным» террористическим актом. Что же произошло, каковы причины антиправославной агрессии, с которой столкнулось русское общество в период перехода политической власти от Медведева к Путину в 2012 году? Ответ на этот вопрос вы найдете в этой книге.

Содержание

Предисловие	4
20 лет религиозной свободы	9
Беспредельный антиклерикализм	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Щипков

Территория Церкви

Предисловие

С автором этой книги, Александром Щипковым, мы знакомы много лет, на протяжении которых не раз обсуждали как отношения РПЦ МП с государством и обществом, так и непосредственно внутрицерковные проблемы. За моими плечами двадцатилетний стаж законодательной работы в ЗАКС Санкт-Петербурга и в Федеральном собрании России. Мне приходилось решать сложные юридические и практические задачи, связанные со строительством храмов, возвращением имущества религиозного назначения, обустройством приходской и даже богослужебной жизни, в частности вопросы совершения литургии в музейных зданиях, которые признаны памятниками мирового значения и принадлежат государству. Я не понаслышке знаю о реальных проблемах и конфликтах в этой деликатной сфере, о порой жестком столкновении интересов бизнеса и религиозных общин, о чиновниках, которые препятствуют реализации конституционного права граждан на свободу совести. Видел разное. Но сегодня у меня возникает стойкое ощущение, что в последнее время людей православных взглядов усиленно ста-

раются столкнуть с государством и противопоставить общественным интересам. На Церковь, традиционно дистанцирующуюся от политики и занимающую позицию общественного миротворца, на членов общин и приходов оказывается сильнейшее информационное давление. Антицерковная кампания, длящаяся около полутора лет, нынче перешла границы светской этики и здравого смысла. Доходит до прямых оскорблений религиозных чувств православных верующих. Меня тревожат попытки вбить клин между Церковью и обществом, между Церковью и государством.

Церковь является традиционной хранительницей общественной морали. В отсутствие авторитета Церкви и религиозных убеждений общество лишается необходимого морального камертона. Оно начинает терять иммунитет по отношению к деструктивным явлениям: экстремизму, социальной и национальной нетерпимости. Кроме того, общество, в котором перестают действовать негласные моральные договоренности, утрачивает единство. Оно не может быть стабильным и не поддается ни оздоровлению, ни реформированию. В нем нарастает правовой нигилизм. Именно такие последствия может иметь современная информационная атака на Церковь.

В цивилизованной стране это недопустимо, под какими бы лозунгами не проводилась антицерковная кампания. Об этом свидетельствует весь мировой опыт. Например, господствующую во многих странах Европы и в США протест-

стантскую этику не принято связывать с какой-либо конкретной церковью или видеть за ней угрозу средневековой «клерикализации». Распространение христианского мировоззрения в таких странах, как Англия, США, Италия или Польша никогда не служит поводом для подозрений в нарушении светских принципов государства.

В России же уровень восприятия проблемы церковного влияния в обществе крайне неудовлетворителен. Сама проблема вызывает порой не вполне адекватную реакцию в ряде СМИ, проповедующих высокомерное презрение к любым традиционным ценностям. Культурная и социальная роль православной традиции игнорируется, вопрос об универсальных православных ценностях упорно увязывается с узкими церковными интересами.

Но даже во времена советского принудительного атеизма этические принципы христианской общинности не были изжиты в нашей стране. И даже больше. Под лозунги о «перековке» и воспитании «нового человека», эти принципы, хоть и под другими названиями, нередко использовались для целей общественного строительства. Из традиции был взят тот минимум, без которого моральные скрепы, соединяющие общество, неизбежно распадаются вопреки любому политическому контролю.

Волею истории наша страна несколько раз шла по пути отрицания собственной идентичности – сперва «византийской», потом имперской-европейской, наконец, советской.

Но это путь в никуда. Единственный элемент российской идентичности, который пережил исторические катаклизмы и остается в силе – элемент православный. И он не сводится только к жизни приходов. В произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Булгакова, Бунина, в музыке Бородина, Римского-Корсакова, Рахманинова культурные и моральные основы православия представлены не в меньшей степени.

Подлинную этику невозможно выдумать. Любая светская этика всегда является производной от этики религиозной и основана на традициях того народа, который в соответствии с ней живет. Неудивительно, что именно на основе православия можно выстраивать историческую преемственность России как государства. Но работающая традиционная этика требует прежде всего терпимости и согласия. Поэтому граждане России православных убеждений, как и представители любых других традиционных конфессий должны быть надежно защищены от нетерпимости по отношению к ним. Если же речь идет о свободной дискуссии, то Церковь должна иметь все возможности для защиты своей позиции и пользоваться таким же свободным доступом к общественной трибуне, как и ее оппоненты.

Как эксперт Александр Щипков обладает точным взглядом на происходящие события и честной гражданской позицией. Как публицист он бывает порой горяч. Но это то самое горение, которое лучше теплостылого безразличия. Не все-

гда и не во всех деталях я могу с ним согласиться, но его принципиальная позиция мне близка и вызывает уважение. Эта книга, безусловно, поможет остановить опасный в своем озлоблении поток ненависти, направленный сегодня на российское православие.

Статус Церкви, авторитет православия, а также всех традиционных религий, очень важно сохранить. Православные верующие, наряду с другими здоровыми силами, могут стать теми, кто готов наладить в обществе подлинный консенсус, несмотря на все внешние вызовы. Это был бы консенсус большинства, основанный на традиционных моральных и культурных ценностях российского народа, на уважении к его истории и менталитету. Консенсус, который позволил бы успешно решать в будущем масштабные социальные задачи.

Сергей Миронов

20 лет религиозной свободы

От автора

В 1991 году Русская Православная Церковь обрела независимость от государства и долгожданную свободу, потерянную триста лет тому назад. Невероятно много было сделано за прошедшие двадцать лет для возрождения ритма церковной жизни. Но мы должны понимать, что это слишком маленький срок для излечения тех увечий, которые были нанесены Церкви в романовский и советский периоды нашей истории. В 2011 году на государственном и прогосударственном телевидении, в ведущих печатных и сетевых СМИ началась информационная кампания против православия. К концу 2012 года эта кампания начала отчасти затухать, отчасти менять свой характер. Что же произошло, каковы причины той антиправославной агрессии, с которой столкнулось общество в период перехода политической власти от Медведева к Путину? Книга, которую вы держите в руках, пытается по горячим следам ответить на этот вопрос.

Мою позицию можно назвать предвзятой, поскольку не скрываю двух вещей. Первое – принадлежности русскому православию. Второе – желания встать на защиту своей Церкви. При этом я не согласен с теми, кто утверждает, что объективно оценить сложившуюся сегодня религиоз-

но-политическую ситуацию способны только эксперты, стоящие на секулярных позициях. Мы с интересом выслушиваем их оценки влияния религии на общество, государство и политический процесс, но предлагаем выслушать и наши.

Мою точку зрения не разделяют большинство специалистов, но я считаю, что никакого «второго крещения» Руси в 1991 году не было. Если и было, то исключительно в метафорическом смысле. Это образное выражение пришло на смену уже основательно заштампованной «дороги к храму». Единственное Крещение Руси состоялось более тысячи лет назад, а все, что потом, – это уже история нашего народа со всеми сложностями, издержками, темными страницами и многочисленными победами.

Многие публицисты, говоря о «втором крещении», утверждают, что именно политические изменения повлияли в 1991 году на духовное и религиозное состояние граждан. Это в принципе неверно. Наша внутренняя религиозная жизнь не может зависеть от политических процессов, а только от тех, которые идут внутри каждого христианина и внутри Матери-Церкви. Конструируя модель «второго крещения» и увязывая ее с политикой, мы попадаем в интеллектуальную ловушку.

Религиозных граждан после 1991 года больше не стало. Равно как не стало их меньше. В советские годы официальная статистика показывала, что неверующих – 85 %, а верующих – 15 %. После 1991 года социологи начали рисовать

кривую стремительного роста, показывая 60 % религиозных людей уже к концу 1992 года, а вскоре и все 80–85 %. Возникает логичный вопрос: а откуда эти «новые верующие» взялись? Какая причина породила этот религиозный взрыв?

Я просматривал провинциальные авторефераты 60–70 годов прошлого века по научному атеизму, где приводились результаты региональных замеров. Эти цифры заметно превышали общие показатели по СССР (85 на 15). Например, на Орловщине – 20 % верующих, а на Ставрополье, в районе повышенной религиозности, – до 40 %. Не исключаю, что данные в полтора-два раза были ещё и приуменьшены в угоду идеологии. Эти цифры натолкнули меня на мысль, что советские вожди прекрасно знали реальный уровень общей религиозности в СССР. И этот уровень составлял 85 %. Советской пропаганде ничего не оставалось делать, как просто перевернуть данные. А сегодня цифры встали на свое место, вот и все.

Вывод простой: не было никакого взрыва религиозности, не было никакого «второго крещения». Более того, я уверен, что и во всем остальном мире, в любой религиозной традиции уровень религиозности примерно такой же – 85 на 15. Я говорю об этом уже двадцать лет, коллеги помалкивают и продолжают писать диссертации о причинах несуществующего феномена – религиозного взрыва 1988–1992 годов. На самом деле куда более интересная и важная тема – качество веры у этих 85 %. Вот здесь – непаханое поле и для уче-

ных, и для Церкви. Так что нужно помнить: если вы сталкиваетесь с антирелигиозной пропагандой в СМИ, то это борьба пятнадцати с восьмьюдесятью пятью.

Большая часть населения России идентифицирует себя с православием. Подавляющее большинство крещено. То есть эти люди являются членами Русской православной церкви. Можно провести очередной опрос и посчитать количество религиозного населения. Но «качество веры», то есть степень погруженности в религиозную жизнь посчитать невозможно, поскольку это область чувств, область иррационального. Поэтому если респондент заявляет о том, что он православный, то он таковым и является. Мы не имеем права ставить это под сомнение и подозревать в неискренности.

Есть ещё одна очень распространенная и ошибочная позиция, которая утверждает, что 10 % православных – искренние верующие («воцерковленные», «практикующие православные», «глубоко верующие» и проч.), а 90 % – номинальные христиане, далекие от Церкви, которых не стоит считать православными. Поскольку это коварное утверждение может влиять на принятие политических и административных решений (напр. по строительству храмов), то на него тоже необходимо ответить.

Степень религиозной погруженности человека не статична, она может меняться в течение жизни, в течение года, даже в течение дня. Приведу простое сравнение. У каждого из нас меняется настроение. Мы можем смеяться, быть серьезными, потом опять смеяться. Иногда, увы, не смеемся годами. А иногда веселимся как дети. Людей, которые постоянно смеются, заметно меньше, чем находящихся в спокойном серьезном состоянии. Но каждый из нас на какое-то время переходит в «категорию смеющихся».

Когда у кого-то из числа 90 % (редко заходящих в храм) случается несчастье, он либо идет в церковь, либо начинает стихийно молиться и просить помощи. Сильное горе или большая радость вызывают на поверхность нечто глубинное. В этот момент погруженность в веру чрезвычайно высока, степень религиозности возрастает и человек неожиданно, пусть на короткое время, попадает в число 10 % «активных» верующих. Могут быть и иные побудители, не эмоциональные, а, например, интеллектуальные, не менее сильные. В повседневной жизни человек постоянно «путешествует» по шкале от 10 до 90 процентов туда и обратно. Его вера то пламенеет, то остывает. Собственно так и происходит с каждым из нас – в разные периоды жизни мы находимся в разной степени религиозности. Идет постоянное перетекание, своего рода «ротация». И в результате каждый из числа 90 % одновременно входит в число 10 %. Вера –

явление парадоксальное, измерить ее логическими исследованиями невозможно. Просто мы должны знать, что нас православных в России намного больше, чем нам пытаются внушить.

Из советской эпохи русский человек вышел с раненым религиозным сознанием. Ни в коем случае нельзя ни смеяться над его суеверием с элементами язычества, ни высокомерно осуждать его за это. Этих людей не надо приводить к вере, они уже верующие, уже православные. Им нужно только помогать: просвещать, объяснять особенности православного учения и любить их. Для этого, собственно, нам и нужны новые и новые храмы. Я являюсь горячим сторонником храмостроительства. Противники спрашивают: где для них верующие? Я отвечу: в соседних домах. Вера качественно меняется на глазах, становится осмысленнее, тверже и людям нужны храмы в шаговой доступности. Именно по этой причине мы сталкиваемся с таким мощным противодействием храмовому строительству.

Главное достижение Церкви – отсутствие страха. Ведь все годы советской власти наша вера была придавлена им. За нее надо было платить, и платить были готовы, в принципе, все, но разную цену. Один был готов заплатить жизнью, приняв мучения за Христа, другой – сесть в лагерь, став исповедником, третий – потерять работу, четвертый – пойти на конфликт с близкими. Самый робкий тайно крестил своего ре-

банка. Но это тоже было рискованно и опасно, можно было получить «выговор по партийной линии» или лишиться очереди на квартиру. Кто помнит, сколько все это стоило, понимает, что отсутствие страха – колоссальное достижение.

Конечно, если за религию снова начнут сажать и расстреливать, то пойдет волна отречений от веры. Человек – слабое существо. Но все же выросло целое поколение, для которого открытая вера – неотъемлемая часть жизни. Это поколение готово отстаивать право верить и право передавать веру своим детям. И это качественное изменение уже никуда не денется.

Я глубоко убежден в том, что многие действия Патриарха Кирилла объясняются его долгом успеть сделать как можно больше за то время, которое Господь отвел нашей Церкви на свободу. Ведь политические изменения могут произойти с такой же катастрофической быстротой, как и в 1917 году.

Атаку на Русскую Православную Церковь объясняют либо испугом антиклерикалов после миллионного поклонения Поясу Пресвятой Богородицы (осень 2011), либо попытками иностранного вмешательства во внутреннюю политику России – думские и президентские выборы (декабрь 2011 и март 2012 года соответственно).

На самом деле системная антицерковная кампания началась раньше, в январе 2011 года. К этому времени Патриарх Кирилл добился:

- введения Основ православной культуры в школе;

- введения института капелланов в армии;
- утверждения программы строительства 200 храмов в Москве;
- принятия Закона о возвращении имущества религиозного назначения.

Кроме того, Церковь призвала к консолидации православных на постсоветском пространстве и приступила к административной реформе, главным пунктом которой стало увеличение епископата. А чем больше епископов, тем быстрее вспоминается поговорка «всех не перестреляешь».

Можно предположить, что именно перечисленное выше и стало основной причиной той информационной антиправославной кампании, подробности которой мы описываем в этой книге.

А. Щ.

Беспредельный антиклерикализм

В последние годы в нашем общественном пространстве время от времени слышны голоса, протестующие против «клерикализации». Достаточно вспомнить нашумевшее в 2007 году письмо академиков президенту, начинающееся словами: «С нарастающим беспокойством мы наблюдаем за все возрастающей клерикализацией российского общества, за активным проникновением Церкви во все сферы общественной жизни». Подобный алармизм сегодня публично выражают некоторые правозащитники, светские гуманисты, публицисты и даже религиоведы.

Вот характерная цитата: «О клерикализации общества свидетельствует и тот факт, что чиновники вместо того, чтобы строить школы, больницы, театры и стадионы, строят за счет государственного бюджета православные храмы и восстанавливают монастыри... Появились православные больницы, детские дома и дома престарелых. Расширяется присутствие Церкви в армии и местах заключения. Церковное книгоиздательство практически уже достигло дореволюционного уровня» (*Богословский М., Шевелёв Г. Насильственная клерикализация России // Проза.ру*). Это голос светских гуманистов.

А вот недавний голос религиоведа: «...Русская православная церковь Московского патриархата в последние го-

ды неуклонно проводит политику клерикализации различных общественных сфер, являющихся секулярными и не имеющих к религии никакого отношения – ни юридически, ни фактически. Это происходит и в сфере экономики, и в сфере науки, и в сфере образования, и в сфере культуры, и в сфере искусства, и, наконец, в сфере политики» (Элбакян Е. Клерикализация: между интеграцией и дезинтеграцией социума // www.religiopolis.org).

Как видно из приведенных высказываний, их авторы понимают клерикализм в очень широком смысле. Возникает вопрос: насколько правомерно такое понимание – и в смысле истолкования термина, и по существу?

В строгом смысле термин «клерикализм» указывает на определенное политическое устройство, в котором клирики (профессиональные служители Церкви, священнослужители) выполняют государственные функции или являются членами политических организаций, которые участвуют в борьбе за государственную власть, а получив такую власть, определяют политику государства. Поэтому говорить о клерикализме или клерикализации в ситуации, когда государство является светским, а Церковь от него юридически отделена, представляется невозможным.

Другое дело, когда понятие светского государства смешивается с понятием светского общества (или им дополняется). Именно в этом случае и возникает столь широкое толкование клерикализма и соответственно клерикализации –

как процесса, ведущего к клерикализму.

Но правомерна ли такая подмена и что за ней стоит?

Думаю, что неправомерна, потому что за нею кроется не правосознание и не научный подход, а идеологическая ангажированность. Именно она питает соответствующие «протестные настроения» и полемический задор, и тезис о «клерикализации» выполняет здесь роль слогана. Если же подойти к обсуждаемому вопросу спокойно, то его формулировка будет совсем иной, а именно: каким может быть присутствие религии вообще и Церкви в частности в жизни общества, в различных его сферах?

Разве приведенное высказывание одного из «антиклерикалов» об «общественных сферах, являющихся секулярными и не имеющими к религии никакого отношения», не выдает с головой предвзятость, если не предрассудок автора? Ведь он считает аксиомой, что Церкви нет места нигде (даже в культуре!), кроме того жестко ограниченного пространства, которое *кто-то*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.